

Бесы российской бюрократии

Публицистическая реплика

Должны откровенно признаться: предлагаемые читателям «Свободной Мысли» размышления авторов не являются результатом долгого, всестороннего исследования. Мы не предъявим заинтересованным лицам статистических данных, математизированных выкладок, многочисленных фактологических аргументов с именами, фамилиями и должностями. Говоря пушкинскими словами, перед вами скорее результат «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Но поскольку мы пишем в журнал, чей идейный пафос совпадает с нашим собственным видением, то надеемся, что наши размышления будут встречены с пониманием.

Бесовство бюрократии

Тема бюрократии — таинственна и загадочна. Она вроде бы присутствует в социально-теоретической литературе, но в то же время как бы и нет. С одной стороны, она глубоко востребована, является насущной почти для любого человека не только в России, но и в других странах (рассказы о кошмарах «евробюрократии» регулярно поступают от тех, кто в призрачной надежде на скорое счастье отправился жить за рубеж). С другой стороны, критических исследований на тему бюрократии не так уж много¹. И еще меньше тех, кто может подсказать, что же с ней делать, чтобы она не превращала человеческую жизнь в тотальный кошмар. Ф. Кафка, один из самых печальных писателей XX века, в своих романах

ЗОЛОТУХИНА-АБОЛИНА Елена Всеволодовна — профессор кафедры истории философии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), доктор философских наук.

ЗОЛОТУХИН Валерий Ефимович — профессор кафедры истории и философии Ростовского государственного строительного университета (Ростов-на-Дону), доктор философских наук.

Ключевые слова: бюрократия, Россия, менеджмент, общественный контроль, система высшего образования, оценка качества образования, традиции управления, народ, общество.

¹ Перечислим авторов наиболее известных работ, занимающихся проблемами бюрократии: В. П. Макаренко, Ю. Н. Авдеева, О. Н. Карпенко, Н. Н. Дрыгина, Ю. В. Чернявская, А. В. Макарин, А. А. Воротников, М. Л. Альпидовская, А. В. Черняев, Л. И. Байрамова. На страницах журнала «Свободная Мысль» эта тема поднималась в статьях В. Арсланова, М. Делягина, Е. Золотухиной-Аболиной и В. Золотухина, С. Соловьева, Г. Исаева, А. Фурсова и К. Фурсова.

«Замок» и «Процесс» писал именно о бюрократии — о ее безличной и неумолимой власти, разрушительном бессердечии, порой принимающем форму слепой злой судьбы. И хотя с кафкианских времен, что называется, много воды утекло, в России с 1990-х годов появилась известная шутка: «мы рождены, чтоб Кафку сделать былью» — шутка, актуальная по сей день. Попробуем же кратко взглянуть на ситуацию, которая преобразует необходимый в обществе управленческий аппарат поистине в монстра, способного разрушить любые здравые начинания.

Бюрократия, как и торговля, — всегда *посредник*, и ее возможные пути — это пути посредничества. Действительно, при все более углубляющемся в обществе разделении труда, универсализации отношений производства, распределения и обмена, росте городов, где царят обезличенные отношения, бюрократия просто необходима. Дело чиновника — соотносить действия одних людей с действиями других, упорядочивать и организовывать «деятельностные потоки», следить за соблюдением норм, а некоторые из этих норм определять для всего населения. В большой стране, где территория простирается «от моря до моря», без чиновников-управленцев, разумеется, не обойтись — они нужны как некая сеть, упорядочивающая стихийность разнонаправленной человеческой активности.

Бюрократия — «сводник» и медиатор, средство связи между социальными группами, в хорошем варианте — стабилизатор и гармонизатор разнородных векторов. И в некоем «идеальном царстве» или же в маленьком уютном сообществе со стабильными демократическими традициями бюрократия, возможно, способна быть милой и ручной, одновременно компетентной и услужливой по отношению к обществу. Однако нередко развитие бюрократии идет по иному пути, потому что у любого посредника может возникать *тенденция к обособлению*. Опосредованная связь всегда таит в себе потенциальное коварство. Это можно увидеть на примере не только бюрократии, но и символических систем, когда язык, мода, знаки социального отличия, то есть посредники, начинают обособляться, перекашивая весь общественный организм. Представьте, к примеру, что кровеносная система стала работать только на саму себя, манипулируя органами, обделяя одни и давая избыток другим! Обычно мы говорим, что это — болезнь. Такую болезнь в современном обществе прекрасно описали постмодернисты, особенно Ж. Бодрийяр, фиксируя в постиндустриальном обществе отрыв символических форм от их носителей, разъединение формы и содержания.

Точно такой же разрыв формы и содержания, аналогичное неправомерное обособление, происходит с управленческой системой, если в социуме не выработано средств возвращения ее на положенное ей в разделении труда место. Проблема обостряется тем, что в отличие от символических форм, не обладающих реальным самостоянием, бюрократы — это реальные люди, субъекты, весьма активные, проворные, деятельные и обладающие конкретными ценностными ориентирами. Они не просто «хотят кушать» (бюрократия во всех странах мира опла-

чивается весьма щедро как система, прямо связанная с властью), а хотя «кушать» много и хорошо, гораздо больше других, а еще — властно распоряжаться и слыть элитой, попирающей «плебс». И если К. Маркс в свое время показал в «Капитале», что за превращенной формой всевластия денег стоят объективные социальные отношения, то сегодня мы не можем не видеть, что за внешне объективными процессами бюрократизации, кроме объективной потребности в управлении, стоят *воля и предпочтения реальных людей, их устойчивые привычки*. Когда эта воля направлена на самообогащение, на диктат, на постоянное возвышение своего статуса, а потребности чиновников сформированы как «безразмерные потребности», бюрократизация общества грозит ему бесчисленными бедами. «Обособившийся инструмент», желающая утвердить себя «бессодержательная форма» сметут на своем пути все реальное, содержательное и качественное.

За внешне объективными процессами бюрократизации, кроме объективной потребности в управлении, стоят воля и предпочтения реальных людей, их устойчивые привычки. Когда эта воля направлена на самообогащение, на диктат, на постоянное возвышение своего статуса, а потребности чиновников сформированы как «безразмерные потребности», бюрократизация общества грозит ему бесчисленными бедами.

В чем выражается «беснование» бюрократии — будь она тоталитарно-феодальной или «буржуазно как бы инновационной»? Прежде всего в экспансии, в выходе за всякие положенные ей границы.

Во-первых, бюрократия начинает активно вторгаться в жизнь профессиональных и самодеятельных сообществ, где она рьяно приступает к регулированию того, что регулировать она не может и не должна.

Во-вторых, вторжение бюрократии в неприскую ей сферу сопровождается перерождением этой сферы в ее бюрократический вариант: формы, правила, методы поведения и деятельности становятся строго регламентированными, формализованными, а складывающаяся в прежде вольном сообществе «мини-бюрократия» приобретает те же амбиции и так же отъединяется от «простых людей», что и «бюрократия большая». Типичным примером такой бюрократизации сообществ, изначально задуманных как самодеятельные, были комсомол и профсоюз-

зы с их лидерами, живущими своей особой жизнью. О бюрократизации профсоюзов можно говорить отнюдь не только в прошлой или сегодняшней России, но и в любой другой стране.

В-третьих, бюрократия в наши дни начинает активно посягать на семейные отношения человека и его свободное время. Такая новинка, как «ювенальная юстиция», под бюрократическими предлогами часто вторгается в жизнь нормальных семей, вместо того чтобы бороться с реальным семейным насилием. Форма подменяет здесь содержание, а за декларируемыми нравственными целями нередко скрываются цели политические. Что же касается свободного времени, то лавинообразное увеличение разного рода бюрократических, ранее «бумажных», а теперь «компьютерных» требований просто не оставляет людям времени на нормальное развитие и отдых.

В-четвертых, бесовство бюрократии выражается в ее неуничтожимости. В свое время бытовала шутка, что чиновники подобны воронам: их согнали с дерева, они покаркали-покаркали и сели на другие ветки. В определенном смысле бюрократия обладает мощным корпоративным духом, не позволяющим тому, кто попал в ряды чиновничества, убыть из них навсегда и остаться на обочине. Правда, в советское время рассказывался такой анекдот: мол, есть у нас машина, «аппаратом» называется, — засунешь в эту машину лопату с навозом, а с другой стороны выходит «кадр»; но можно повернуть и обратно — засунул в нее «кадра», а оттуда — лопата с навозом... Конечно, не во всем точный анекдот. Тот, кто попал в «кадры», может сделаться навозом исключительно по политическим причинам, во всех же остальных случаях статус «кадра» остается за человеком навсегда.

В-пятых, бюрократическая система способна до неузнаваемости менять личность человека или же раскрывать и извлекать из нее самые неприглядные в моральном отношении черты. Каждый наверняка может вспомнить симпатичных активистов-общественников, исполненных благими порывами и намерениями, старательных отличников, сколь послушных, столь и разумных, которые, попав даже на низшие должности в чиновничий аппарат, в кратчайшие сроки становились «винтиками» и охотно следовали принципу «ты начальник, я дурак» (и соответственно — наоборот), а став руководителями, и вовсе превращались в бюрократов с оловянными глазами. Такова сила системы: кто ей не покоряется, должен просто уйти из нее.

Завершая этот маленький обзор, хотим отметить, что козырными картами бюрократии всегда являются *запрет*, *ограничение* и *манипуляция*, при которых «подведомственная сторона» остается в роли безгласной марионетки, вынужденной судорожно дергаться за приводными ремнями «вершителей судеб» — чиновников.

Обратимся, однако, к особенностям родного российского управленческого слоя, чьи «бесы» хотя и совпадают с бесами глобальными, но имеют и свое собственное «мохнатое рыльце».

«Революция безграмотных менеджеров», или «Принцип Питера» для России

Бес №1. Изживание специалистов-экспертов

Широко известно, что в 1950—1960-е годы в США вышел ряд шуточных, но весьма острых книг, в которых анализировалась деятельность чиновничества. Одной из таких книг была «Законы Паркинсона», другой — «Принцип Питера». «Законы Паркинсона» описывала в первую очередь психологические ориентиры повседневной деятельности чиновничества, а «Принцип Питера» — динамические отношения в бюрократической иерархии. Так вот, согласно «Принципу Питера» некомпетентность сотрудников — важнейшая характеристика иерархической управленческой системы. Некомпетентного сотрудника, занявшего высокое место, по многим соображениям не увольняют или, во избежание дальнейшего ущерба, отправляют на повышение, но с другой областью задач. В результате некомпетентность все время растет.

«Принцип Питера» был раскритикован, в том числе автором «Законов Паркинсона», но в реальной жизни он, несомненно, действует. В политической жизни США мы можем видеть в качестве примера ставшую печально знаменитой деятельность сотрудницы госдепартамента Джейн Псаки; но далеко не все примеры столь очевидны. И самое грустное — в России нечто подобное «принципу Питера» получило гигантский размах. Если ныне в нашей стране мы и можем говорить вслед за Д. Беллом о «революции менеджеров», то по преимуществу — менеджеров некомпетентных.

За последние 15—20 лет в абсолютном большинстве случаев в управленческий аппарат пришли сотрудники, плохо ориентирующиеся или ничего не смыслящие в той области, которой они обязаны руководить. Им все равно, чем править: наукой, производством, деятелями искусства, сапоги тачать или пироги печь. Началась поистине вакханалия неграмотности, так что поневоле приходит на память басня Крылова:

Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник,
И дело не пойдет на лад.
Да и примечено стократ,
Что кто за ремесло чужое браться любит,
Тот завсегда других упрямей и вздорней:
Он лучше дело все погубит,
И рад скорей
Посмешищем стать света,
Чем у честных и знающих людей
Спросить иль выслушать совета.

Современный российский чиновник ни о чем не спрашивает у эксперта-профессионала, а только повелевает, устанавливает абсурдные нормы и вводит разрушительные правила. Нынче в цене невежество. Это связано, возможно, с установкой на отбор в госаппарат людей, просто готовых, не размышляя, выполнять любой приказ, а быть может, с тем, что с 1990-х годов в стране расплодилось большое количество фальшивых специалистов, обладающих диплома-

ми, но не знаниями. Дипломы они в обстоятельствах «мутной водицы» невесть как добыли или просто купили. Не исключено и неофитское желание как можно скорее «сделать все у нас, как на Западе», но при этом не платя западной зарплаты и искажая все нормы и принципы, десятилетия отработывавшиеся за рубежом.

Так или иначе в большинстве случаев чиновничье вмешательство в какой-либо профессиональный процесс оказывается губительным для него, особенно при отсутствии обратной связи и взаимодействия с реальными специалистами. Для авторов данного текста особенно близка сфера образования, и в ней мы наблюдаем катастрофические изменения, инициируемые Министерством образования и науки РФ. Это и огромное повышение нагрузок без учета специфики деятельности, и фантастические требования для гуманитариев публиковаться исключительно в зарубежных изданиях информационной сети «Scopus», и постоянные попытки заставить всех агрессивно конкурировать друг с другом, выживая «слабейших». Но такого рода «чудеса» свойственны и другим областям деятельности. Недавно нам пришлось выслушать горькую исповедь специалиста по метрологии, которая не представляла себе, как ей теперь работать, потому что «новое министерское начальство» составило руководство, где перепутаны и перевернаны все понятия метрологии. Человек буквально рыдал, потому что применить к жизни «высшие указания» совершенно невозможно, а проверять и оценивать специалиста-практика отныне будут именно по ним... И так везде: в строительстве, на железной дороге, в медицине. Не катастрофа ли это для общества?

Бес № 2. Имитационный восторг

В силу своего формального характера деятельность предрасполагает чиновничество к существенному расхождению реальных и декларируемых целей. Например, в той же сфере образования для нынешнего российского чиновника абсолютно безразлично, чему именно учат преподаватели, вправду ли они учат, и научаются ли студенты вообще чему-нибудь (кстати, само слово «студенты» заменяется откровенно бюрократическим тяжеловесным термином «обучающиеся»). Но для повышения в должности и получения еще более высокой зарплаты важно симитировать бурный процесс сложного и многоступенчатого оценивания подчиненных; цель — показать, как «мы, чиновники, действуем на уровне мировых стандартов». Поэтому в вузах бездумно вменяется уже скомпрометировавшая себя на Западе система «баллов»: за количественными показателями легче скрыть деформацию и извращение подлинных задач.

На самом деле, чтобы считать баллы, нужно иметь не больше десятка студентов, иначе точно не сочтешь и запутаешься; но кроме того, есть масса вещей, которые в баллах вообще высчитать нельзя: реальное знание, качество работы, творческий потенциал. Они могут быть оценены только интегрально, а не по дискретным «кусочкам»-баллам, которые создают в оценке то «перелет», то «недолет»... Вспоминается в связи с этим Р. Генон с его работой «Царство количества и знамения времени». Бюрократическое царство безличного количества становится единственной мерой для ума, таланта, любых достижений. Ну а об истине, добре, красоте и совести у чиновничества речь просто не идет.

Бессмысленные «баллы» чиновники теперь применяют и к самим преподавателям, при этом совершенно не интересуясь у профессионалов (бюрократ ведь всегда «знает лучше»), как и что стоит оценивать. Так, статью приравнивают по баллам к монографии, а монографию — к руководству студентом, который победил в каком-нибудь соревновании (возможно, в спортивном), или к совместной со студентом публикации. То есть можно написать тезисы, приписать к ним студента и быть оцененным так же, как если бы ты десять лет, по крупинкам собирая информацию, писал сложную книгу. Но ведь бюрократии не интересно, что вы там писали, что кропотливо исследовали. Бюрократ считает, что это блажь, и на самом деле профессоров нынче избыток; у чиновника своя задача: кадры сокращать, лишних выкидывать, и какая разница — кого...

Главное — отыскать того, у кого набралось меньше «баллов». Вообще-то, чем ниже у людей квалификация, тем легче ими править, поэтому всех умников — долой, а с остальными можно что угодно изобразить! Всех в вузе сделаем отличниками или наоборот — всех разгоним и быстро превратим вуз в ПТУ. Правда, мастера-умельцы, еще существовавшие в ПТУ в 1990-е годы, уже вымерли, смены им нет, но и тут можно какие-нибудь «потемкинские деревни» соорудить: к очковтирательству не привыкать!

Ох, как далеко и широко можно развиваться с таким «компетентным» управленческим аппаратом!

Принципиальная предрасположенность к предательству

Бес 3. Политический и моральный цинизм

Посредническая роль бюрократии делает ее в современных «деидеологизированных» условиях принципиальным перевертышем. Впрочем, если вспомнить крушение КПСС, то ведь и там партийная бюрократия повела себя, как предатель — ни один райком или обком не воспротивился падению партийного колосса. Просто бюрократия держала «нос по ветру», чтобы быстро перекраситься в расцветки нового режима или срочно переправиться в бизнес, зачастую прихватив с собой партийную кассу.

Бюрократ служит тому, кто платит, и родина у него там, где платят. Российская бюрократия не исключение. Если свои платят меньше, а чужие — больше, он будет служить чужим — только делать это тихо и неприметно, выступая аккуратным «агентом влияния», что вполне возможно с учетом огромного имитационного потенциала системы. Бюрократия по сути не гуманна и не страдает таким качеством, как преданность идеям. Песня чиновников из фильма Э. Рязанова «Мы не сеем, не пашем, не строим, мы гордимся общественным строем» — предельно конкретно-историческая зарисовка. Современная российская бюрократия, обладая всеми пороками своего «класса», да еще и «феодално-байскими пережитками» в придачу, общественным строем совсем не гордится. Нет, оно, конечно, погордится, если поступит указание сверху, но ведь выполнение приказов — ее естественная функция.

Когда в 1990-е годы было принято разоблачать отечественную историю, бюрократия ее охотно разоблачала. И разоблачала, и шельмовала, и актив-

но взаимодействовала в этом вопросе со СМИ, навязывая «родному народу» комплекс неполноценности. Точно так же сейчас на Украине чиновничество поносит «клятых москалей», хотя еще недавно с этими «москалями» очень даже дружило и снова будет «дружить», если поступит соответствующее указание. Но это — не просто «чего изволите». Это «чего изволите», если это ему на пользу.

В условиях, когда общество ориентировано исключительно на обогащение, на власть денег (а с 1990-х годов и по сей день оно только на это и ориентировано), жадность и ненасытность российской бюрократии, ее откровенный цинизм и взяточничество даже не вызывают у населения протестов. Это стало как бы естественным — «все же люди». Дать взятку, взять взятку для многих рядовых граждан — абсолютно нормальное и адекватное поведение, просто не надо брать слишком открыто и «не по чину». И при таком понимании бюрократы чувствуют себя как рыба в воде: они же посредники, а посредника нельзя обидеть — вдруг он свою миссию не выполнит...

Бес 4. Желание сделать Россию не Россией

Этот четвертый «бес» особенно зол и коварен, он выступает общим у российской бюрократии с частью экономического олигархата и столичных либеральных интеллектуалов (интеллигенцией назвать их не можем, ибо русская интеллигенция тем всегда и отличалась, что не считала народ «быдлом»).

Высшее чиновничество тесно связано с бизнесом и олигархическими кругами, и лишь недавно верховная власть стала предпринимать шаги для ослабления этой взаимной спайки чиновничества и буржуазии. Однако, поскольку все люди разные, в самой олигархии, несомненно, есть и те, кто желает видеть Россию самостоятельной державой, и те, кто хотел бы уничтожить ее идентичность, полностью подчинив ее западным ценностям и культурным стереотипам. Это разделение, конечно, проходит и через чиновничество. В настоящее время сложилась *конфигурация двойственности*, когда высшие чиновничьи круги в отношении внешней политики придерживаются патриотической линии, но государственные чиновники, связанные с жизнью внутри страны, предпочитают следовать западным образцам во всем — от финансовой сферы до образования, причем к тому же своекорыстно их искажая. Сторонники «либеральных реформ» полагают путь заимствований с Запада единственным необходимым путем, на котором «сиволапая Россия» может вписаться в «глобальные тенденции», при этом «западный путь» никто не собирается адаптировать к отечественным реалиям, отчего в полной мере возникает эффект «кафтана с чужого плеча».

Вообще-то говоря, «Запад» тоже очень разный, и на самом деле он отнюдь не является земным раем и абсолютным образцом, в нем хватает и своей сословности, и своей жесткости, и бедности, и отсутствия перспектив. В нем существенно порвана связь с традициями и разрушен гуманистический ценностный строй, о чем весь XX век сокрушались выдающиеся западные философы-гуманисты. Да и сама идея для россиян, для русских «быть не собой» выступает, мягко говоря, странной. Это как же надо себя ненавидеть (точнее — не себя любимых, а тот самый «народ»), чтобы желать замены всем мыслей, чувств, стремлений, культуры и истории?

И вопрос сейчас состоит в том, как долго еще расплодившееся российское высшее чиновничество просидит на двух стульях? Долго ли две явно обозначившиеся в России силы будут тянуть нашу страну в разные стороны, сколько сможет просуществовать этот «двуликий Янус»? Вопрос открыт. И от его решения зависит судьба всех нас.

Как всегда: что делать?

Начнем с конца. Что делать власти, которая хочет, чтобы Россия была Россией — современной, развивающейся, но все же Россией, со своими самосознанием, культурой и историей, чтобы она не была погублена коварным бюрократическим классом?

Прежде всего — торопиться. В противном случае продажная бюрократия оставит на месте отечественной экономики, науки, культуры чистое поле, которое будет ею же активно заселяться американскими, английскими, канадскими специалистами, несущими с собой иные ценности, методы, культурные коды. Бюрократия уже сегодня распахивает перед ними двери, оттесняя и истребляя собственных профессионалов — как в столице, так и в провинции. Несомненно, эту компрадорскую бюрократию, слившуюся с компрадорской буржуазией, нужно отодвинуть от решения коренных вопросов страны. Следует решительно отказаться (что особо важно для образования, науки) от слепого подражания Западу, который преследует, конечно же, свои собственные, а отнюдь не наши российские интересы, надо вырабатывать с помощью высококлассных профессионалов — экономистов, юристов, обществоведов — свой индивидуальный российский путь. Надо набраться смелости и мужества, чтобы сменить невежественных чиновников, заменив их грамотными, разбирающимися в деле специалистами, намеренными строить, а не разрушать. Необходимо вернуть ученым, профессорам, преподавателям статус уважаемых граждан страны, которые готовят к жизни новые поколения, а не только считают «бюрократические баллы».

Особо важно и остро необходимо восстановить для всех и каждого гуманистическую иерархию ценностей, где деньги, хоть и признаются значимыми, но занимают отнюдь не первое место: деньги хороши в роли слуг, а не в роли господ! Следует вернуть высокие позиции патриотизму. Это уже отчасти сделала реальная ситуация с Крымом, это делает каждый день трагическая война на Украине, но здесь нельзя полагаться только на действие событийного ряда. Стране нужна идеология в самом высоком смысле этого слова, идеология как иерархия смысложизненных целей и ценностей, к которой будут приобщены в полной мере и те, кто впоследствии составит ряды управленцев. Эта идеология непременно должна ставить на первое место идеи социальной справедливости и реального гуманизма, а также национальные интересы России.

Глубоко значимым является обращение к собственно организационным моментам: реальная демократия должна быть расширена. Не либеральная болтовня, за которой скрывается корыстный интерес,

а демократия в смысле невмешательства чиновников в жизнь семьи, профессиональных сообществ и добровольных объединений. Люди должны подчиняться закону, но не начальственному произволу, и у них должна оставаться большая область свободы — так же, как практическая возможность вести диалог с «менеджментом», отстаивая свое мнение. Кроме того, высоко востребован общественный контроль за деятельностью управленческого аппарата и его обратной связью с гражданами. Это может в конечном счете привести и к снижению взяточничества (хотя надо понимать, что это долгий путь).

Все это — насущные задачи власти. А мы, рядовые граждане России, в тех условиях, что есть, постараемся сохранить гуманистические и патриотические ценности и передать их в будущее по эстафете, игнорируя «бюрократических бесов», а если надо, и вводя их в заблуждение (как, собственно, и положено поступать с бесами). ◆